

Воспоминания Д. Н. Кардовского [о Павле Петровиче Чистякове]

Предложение написать воспоминания мои о покойном П. П. Чистякове я с удовольствием исполняю вследствие любви и уважения, которые питаю к покойному и его памяти, вследствие... как бы это сказать, — не любви и не уважения, а особенно глубокого, больше нежели перед чем бы то ни было в жизни, преклонения перед искусством, которые умел зародить во мне, да и наверное не во мне одном, Павел Петрович. Он первый стал посылать в Эрмитаж, указывая нам высокое мастерство и искусство, которое мы должны были найти, понять и оценить у того или иного мастера. Мы, рядовые ученики, ещё далеко не художники, постигая простые учебные вещи, лепку, форму, цветовые задачи, — всё время глядели дальше этого, всё время предчувствовали искусство и стремились к чему-то идеально-высокому. Всякий нос, кисть руки, череп на фоне старой чёрной книги — всё это не только материал для изучения, но и путь к идеальному и... недостижимому. А так как рядом с этим всё изучаемое должно быть изучаемо строжайшим и добросовестнейшим образом, несмотря ни на какие жертвы и лишения, то и получилось какое-то доведённое до предела преклонение перед любимым делом. Всё, кроме любимого дела и искусства, настолько было недостойно какого бы то ни было внимания, что и в мастерской, в одном из нижних коридоров Академии, где преподавал Павел Петрович, было неуютно, не было никаких удобств, никакого комфорта. Разница между отношением к делу и удобствами работы была колоссальная: первое должно быть доведено до совершенства, последнее совсем не важно.

с. 274

Обыкновенно мы рисовали так называемым итальянским карандашом. Эти карандаши в дереве часто ломаются и, когда их чинят, очень пачкают руки. В магазине Крих на Невском появились такие же карандаши, но без дерева, а в виде коротких круглых палочек, вставляющихся в завинчивающиеся зажимы на ручках, как до этого вставлялись такие же, но графитные карандаши. Эти карандаши были, конечно, удобнее. Павел Петрович сейчас же окрестил их «барскими». Но зато требования к качеству работы были очень строгие. Переделывалось, переправлялось до тех пор, пока не достигалась задача. Учитель Павел Петрович был не только умный и тонкий, но ещё строгий и требовательный.

с. 275

Я не был в числе учеников Павла Петровича, которых он выделял, и указаниями его пользовался меньший срок, чем многие из моих товарищей по этой мастерской. Тем не менее, когда, проучившись и проживши несколько лет за границей, я приехал в Петербург и позвал к себе Павла Петровича, чтобы показать ему то, что я делал там, Павел Петрович пришёл ко мне и поразил меня своим отзывом о моём заграничном руководителе. Он назвал его «бессребренником», отметив этим ту черту его, что он отдавал ученикам своим все свои знания, в противоположность тем, которые боялись найти в своих учениках будущих конкурентов. А сам Павел Петрович был тоже бессребренник, но не только в этом только что указанном смысле (он был слишком умён, чтобы думать иначе), но и в буквальном, потому что за эти занятия в его частной мастерской он не брал ни с кого ни копейки и, несмотря на это, занимался с нами самым добросовестным образом.

Все, кто работал в его мастерской, выходявшей двумя окнами на Соловьёв сад, помнят, как и я, и эту мастерскую, и тот дух высокой любви к искусству и своему делу, серьёзнейшее и строжайшее отношение к работе и любовь и уважение к своему руководителю, доходящие до поклонения.

*Кардовский, Д. Н. Воспоминания Д. Н. Кардовского / Д. Н. Кардовский // Чистяков, П. П. Переписка 1883—1888 гг. Воспоминания / П. П. Чистяков, В. Е. Савинский. — Л., М.: Искусство, 1939. — С. 274—277.

с. 276

Павел Петрович умел быть авторитетом для всех, кто начинал учиться у него. Приходилось на первых же шагах его занятий убеждаться, как мало каждый знает и как много ему надо узнать. Задачи, которые ставились, вернее, открывались Павлом Петровичем, были столь велики, что, что бы ни делать, всё будет мало, всё будет недостаточно сравнительно с тем, что надо. В основу учения живописца ставился рисунок; в рисунке требовалась пластическая форма, твёрдость её конструкции и точность пропорций. Уменьше работать отношениями требовалось особенно настойчиво, и это как в живописи, так и в рисунке.

К сожалению, я своевременно не записывал то, что говорил Павел Петрович, и поэтому теперь, на расстоянии стольких лет, не решусь восстанавливать на память что-либо, тем более что всё, что говорил Павел Петрович, облакалось у него в совершенно своеобразную форму. Павел Петрович был не только умный, это был мудрый человек. Его лапидарные умозаключения и выводы иногда бывали не сразу понятны. Он сам, разумеется, предварительно прошёл целый путь, прежде нежели сделать какой-либо вывод, да ещё облечённый в совершенно оригинальную образную, очень личную форму, давая многим поверхностным людям основание вышучивать и превращать в анекдот его афоризмы.

Мы все, товарищи по работе у Павла Петровича, знали, что один из нас, покойный Д. А. Щербиновский, ведёт запись всего, что мы слышали от Павла Петровича. К сожалению, насколько я знаю, после кончины Щербиновского среди его вещей никаких подобного рода записей не оказалось.

Здесь между прочим укажу, что как подлинно живой человек в самые серьёзные и важные моменты Павел Петрович никогда не был чужд шутки. Это, я уверен, подтвердят все знавшие Павла Петровича. Помню, например, случай: один из учеников, писавший масляными красками этюд, заслуживший неодобрение Павла Петровича, начал сваливать вину на неудачное место, доставшееся ему. Сосед его по работе, тоже писавший красками этюд, заметил вслух, что не место красит человека и так далее. Тогда Павел Петрович обернулся к последнему и сказал: «Ну, и красьте».

с. 277

Следующие мои воспоминания о Павле Петровиче относятся ко времени, когда после отказа И. Е. Репина от преподавания в Высшем художественном училище преподавать в Репинскую мастерскую был приглашён Павел Петрович. Надо было видеть, с каким интересом, любовью и преданностью принялся он за эти занятия. Он покупал некоторые краски, чтобы отнести в мастерскую и показать ученикам, предполагая, вероятно, что они им неизвестны или недоступны; несмотря на его лета, тогда уже преклонные, он легко поднимался выше «конкурентских» мастерских по трудной и тёмной лестнице в Репинскую мастерскую и там вёл свои полные интереса и увлечения занятия с молодёжью.

Ещё помню Павла Петровича, когда несколько раз утром ехал с ним вместе из Царского Села в Петроград. Я встречал его обыкновенно с восторгом любующегося чем-нибудь очень живописным, каким-либо куском пейзажа, по-утреннему определённо освещённому. Павел Петрович сейчас же заводил речь о том, чем он любовался, и поражал своим юношеским восторгом. Ещё позднее, когда он писал свой автопортрет, помню, он очень занят был формой уха, которое ему надо было сделать на этом портрете. И вот везде, и на вокзале, поджидая поезд, и в вагоне во время переезда в Петроград, он не пропускал, кажется, ни одного человека без того, чтобы не осмотреть и не понаблюдить его уши, причём отмечал, как редко встречаются хорошо поставленные уши.

Вот всё, что могу рассказать сейчас о Павле Петровиче.